

Виктор Некрасов

«Давайте поговорим» Михаила Жванецкого

Отзыв. «Новое русское слово», 4 мая 1987 г.

Несколько лет назад литературовед Александр Парнис предоставил нашему альманаху забытый рассказ Виктора Платоновича Некрасова об Одессе 10 апреля 1944 года. И тогда же сказал, что где-то в архиве писателя хранится его текст о Жванецком. Появившийся сайт памяти Виктора Некрасова дал возможность обнаружить этот отзыв. Огромная благодарность составителю сайта.

Михаил Жванецкий – одно из самых популярных имен в Советском Союзе. Он удивительно смешон и остер, как бритва. Иной раз просто пугаешься, настолько он не боится риска.

Живьем я его никогда не видел, но помню, что первая пластинка, которую услышал, – «Ставь птицу» – довела меня до колик, так я хохотал. А его «В греческом зале» стало прямо классикой. Рассказывают, что экскурсанты, узнав, что их привели в настоящий «Греческий зал», ничего не смотрят, только хохочут. Говорят, что Жванецкого чтит «сам» Горбачев. Начинает якобы заседания Политбюро с цитаты из него. Прочитав в одном из новогодних номеров «Известий» фельетон Жванецкого, я понял, что в легенде этой есть доля правды.

В «Советской культуре» за 31 марта опубликована беседа с ним, озаглавленная «Давайте поговорим».

На интервью он согласился со скрипом. «Я пуст, – сказал он, – все мысли в работе. Лишнюю кладу на сберкнижку». Но все-таки согласился на встречу.

Не могу сказать, что вопросы корреспондента были очень остроумны, но ответы Жванецкого, как всегда, и метки, и смешны.

На вопрос: «Что такое сатира, скажите кратко», – ответил:

– Кратко – не могу. Все сатира. И «Анна Каренина», и Достоевский, и Распутин. Литература, если это подлинная литература, все равно говорит о больном.

И дальше:

– Меня уверяют, что я писатель. Конечно, буду рад, если что останется. Хотя сомневаюсь. Это ж крики боли, стоны больного. Острая недостаточность... справедливости. И крики мои привлекают внимание, вызывают у публики смех. Мы любим собираться у постели несчастного. Не помогая, конечно. Потому что поможешь – он замолчит, и некого будет слушать.

В его интервью нет набивших оскомину слов «перестройка», «гласность», но в связи с этим он говорит:

– Мы вступили в такое время, когда многие двери, недавно еще закрытые, открываются. А я не вхожу, ищу закрытые. Вот устроишься возле этой, закрытой, пытаешься приоткрыть. А отсюда: вы куда еще? Это касается не только внутренних тем. Вот хотя бы вопросы борьбы за мир. Мы боремся неизвестно с кем. Я видел даже районные отделения борьбы за мир – столы какие-то стоят, стулья. Мы боремся за мир, не видя и не слыша наших противников. Покажите нам их! И плохое, и хорошее. Ничто ни в нас, ни у нас от этого не изменится.

Читаешь ответы Жванецкого и поражаешься – ни одного пустого, все не в бровь, а в глаз. На вопрос, можете ли вы нарисовать словесный портрет врага, отвечает:

– Это портрет друга. Ну, он, конечно, из запрещающих. Он, друг, деньги одолжит, едой угостит. Когда же наши пути разошлись, и он стал важным начальством в те несмешные годы, сказал: «Прости, но я этот юмор не понимаю. Мы здесь работаем, ночами не спим. Нам надо страну кормить. Так что, извини. На помощь не рассчитывай. Прости, я не хочу, чтоб нас видели вместе». Вот такой враг из друзей и друг из врагов.

Я так много цитирую Жванецкого, потому что он в ответах своих говорит о главном, недостающем. И с юмором, который особенно убеждает и разит. И всегда рискованным.

Жванецкий, например, считает, что быт должен быть отдан людям. Пусть промышленность будет у государства, а весь быт,

все ремонты... Деньги нуждаются в том, чтобы их платили из рук в руки. Ты мне натер пол, я тебе заплатил. Давайте же жить по-рочным принципом: ты мне – я тебе. Нам обоим станет легче.

Заключение же его беседы звучит оптимистично:

– Думаю, что у нас сегодня интереснее, чем везде. Сколько мы провели времени в бессмысленном каком-то молчании. Но не все происходит немедленно, разом. Мы – огромный пароход. Дашь задний ход, он еще долго идет... вперед. Развернуть сложно. Экономика и нравственность – две машины, два смысла. Думаю, все-таки поворачиваем. И вообще мне сейчас нравится. Вот я сейчас подумаю, и снова скажу – нравится.

И то, что это говорит Жванецкий, человек, который ни к кому никогда не подлаживался, вселяет какие-то надежды. Его юмор и интуиция никогда до сих пор не подводили. И его чутью в связи с начавшимися переменами очень хочется верить.

Должен сказать, что номер «Советской культуры», который я сейчас держу в руках, знаменателен не только беседой со Жванецким, но и своей передовой. О смехе! Подумать только, в советской газете передовая о смехе. Не о сатире, не о юморе, а именно о смехе. Я сталкиваюсь с этим незаурядным явлением впервые. Не удивился бы, если б мне сказали, что настоящий автор этой передовой Жванецкий, хотя стоит подписать Е. Иллеш.

«Кто и когда запрещал смеяться, это ж абсурд, – читаем мы в передовой. – Конечно, не запрещали. Но давали понять, что шутейно, а что ни-ни... Полуофициально дозволялось иронизировать лишь по адресу многострадальных сантехников и младших научных. Но по каким-то зонам и адресам не рекомендовалось даже шутить... Тем не менее зоны эти нет-нет и открывались для неистребимого нашего фольклора, в просторечии именуемого анекдотами. Одни были связаны с частной нашей жизнью, другие разворачивались на глазах всей страны. Чего стоили хотя бы злоключения царицы полей или стремительные превращения малой земли в большую. Как объяснишь вчерашним школьникам, отчего нам неловко вспомнить названия тех произведений, что еще недавно были обязательным предметом изучения чуть ли не в детском саду».

Читаешь такое и глазам не веришь. Реабилитирован анекдот! Тот самый, из-за которого еще совсем недавно давали сроки.

И бранному слову – подумать только! – тоже дается вразумительное объяснение.

«Попавшему в бюрократическую западню, – читаем мы, – только и остается произнести что-нибудь не литературное, поскольку в сфере разума искать выхода чаще всего бывает бесполезно. Вот и получается, что единственный способ облегчить душу – об этом еще знали древние римляне – это выразиться. Пусть и непечатно... Так что бранное слово, как и «не при детях» анекдот, – дело не только личной неводержанности, но и общественной хвори, от которой и лечимся единственно возможным и сильноедействующим лекарством – гласностью. В результате – вроде бы стало меньше этих коротких сюжетов, без которых не обходились наши встречи и застолья. И стали они как-то мягче, «домашнее», подобрели. Потому что желчь и свирепый сарказм – это болезнь придушенного смеха».

По-моему, сказано блестяще. Почти по Жванецкому. Не знаю, насколько стал «домашнее» сейчас анекдот, не думаю, но то, что он встречается сейчас реже, это факт. Ведь расцветает-то он пышным цветом именно в периоды гонений и особого удушья. Очевидно, стало все-таки чуть-чуть легче дышать, если впервые за всю историю советского государства об анекдоте пишется открыто и не осудительно. А смех, оказывается, сближает и уравнивает всех, ибо он подлинно демократичен.

На этом вполне разумном заключении заканчивается уникальная в своем роде статья о смехе в «Советской культуре».

